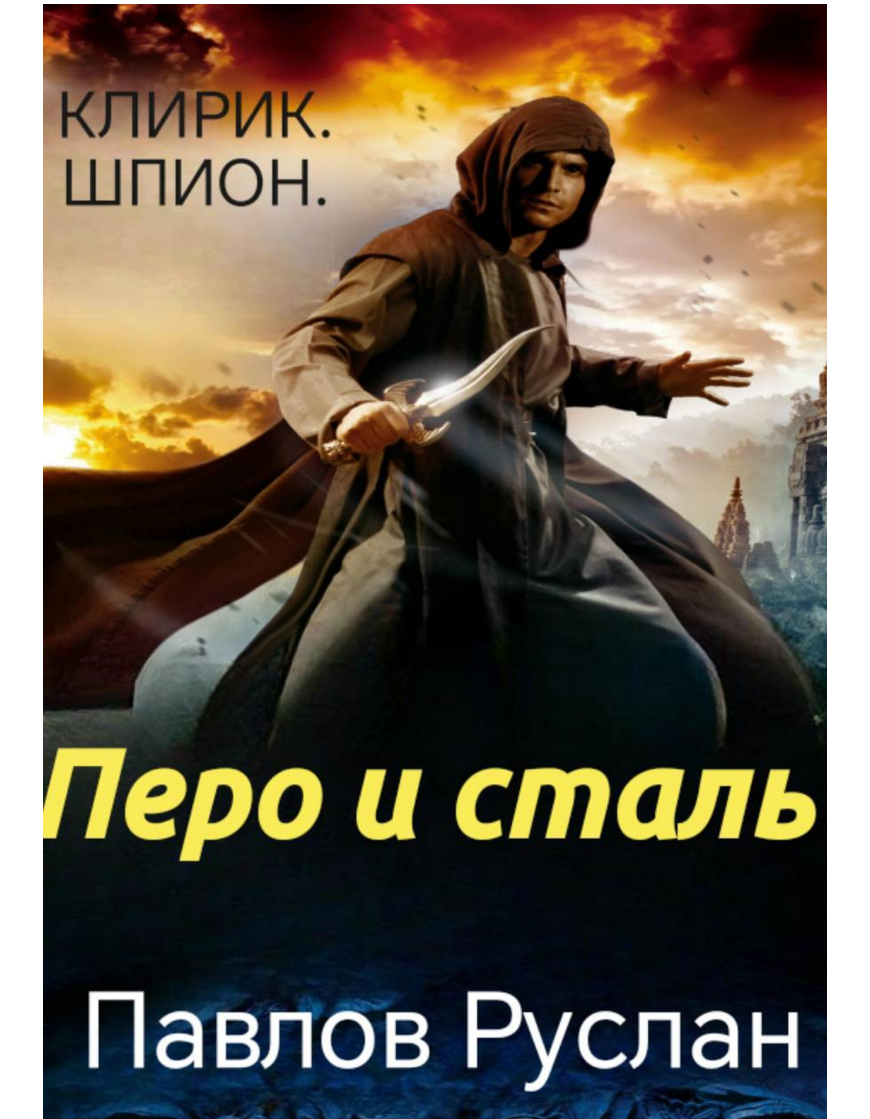

КЛИРИК.
ШПИОН.

Перо и сталь

Павлов Руслан

Руслан Павлов

Перо и сталь

<https://litres.ru/74234908>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ардан криво усмехнулся, вспомнив слова наставницы: «Держись подальше от неприятностей». Легко сказать. Неприятности липли к нему сами — как стрелка компаса тянется к северу, что бы ты ни делал.

Мысль ещё не успела остыть, а он уже понял: в складе он не один.

Что выдало? Шорох? Выдох? Чуть слышный скрип подошвы о край бочки? Он не знал. Просто знал — и всё. Полчаса назад он обошёл помещение вдоль и поперёк, считая груз. Заглянул в каждый закуток, в каждую щель между штабелями. Никого.

И вот теперь — пожалуйста.

Волосы на загривке встали дыбом.

Ардан медленно, плавно опустился на корточки. Замер. Дыхание перехватило. Никто не крикнул тревогу. Тишина стояла такая же густая, как запахи пряностей в воздухе. Но он чувал: его ведут. Немышь. Не корабельная кошка. Не разохшееся дерево, разогретое утренним солнцем.

Человек. Кто-то шёл за ним по складу.

Черт возьми, — подумал он. — Хорош, кто бы ты ни был.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	19
Глава 3	29
Глава 4	37
Глава 5	56

Руслан Павлов

Перо и сталь

Пролог

Годом ранее
Он бежал.

Так, как не бегал никогда в жизни. Босые ноги вгрызались в белый коралловый песок, мышцы горели, воздух рвал горло. Он мчался наперегонки со временем — и проигрывал.

Опоздаю. Опоздаю.

Мысль билась в висках, как пульс.

Он перемахнул через рухнувший ствол кокосовой пальмы. Перепрыгнул выбеленный солнцем плавник — останки лесного великана, выброшенного морем. Вломился в ручей, не сбавляя хода, подняв тучу брызг.

Опоздаю.

Краем глаза заметил корабль в лагуне. Паруса убраны, нос развёрнут к приливу. Он не стал всматриваться. Не хотел. Потому что на дальнем краю бухты уже увидел то, чего боялся: лодку, вытащенную на песок.

Я виноват. Всё — из-за меня.

У Бухты Трёх Скал, где берег громоздился мраморными валунами, он свернул прочь от моря. С песка — на лесную

тропу. Бежал так, будто скорость могла отменить то, что он натворил своими дурацкими словами.

Воздух драл лёгкие. В боку засела игла.

Не смей сдаваться. Шанс есть всегда.

Тропа поползла вверх, в деревья. Кроны сомкнулись, гася свет, отсекая ветер. Корни узловатыми пальцами цеплялись за ступни, но он не спотыкался. Пот ручьями тёк по голой груди, насквозь пропитал пояс саронга.

Выстрел.

Один-единственный — и сразу сотня осколков-эха. Каждый — обещание беды. Птицы взорвались из подлеска, из ветвей, наполнили лес паникой.

Он прибавил. Сам не знал, что можно бежать быстрее. Цеплялся за мысль: второго выстрела нет. Может, обошлось. Может...

А потом — крик.

Человеческий. Долгий. Полный муки.

И надежда умерла.

Опоздал.

Он всё равно бежал. Уже за гранью сил, на одном упрямстве. Вломился на поляну — и замер.

Воины. Кольцо клинков. И в центре...

Опоздал.

Я виноват.

Раджа Арьяман лежал на земле. Кровь ещё сочилась из раны на груди. Царские регалии сорваны — часть разбросана

по земле, часть исчезла. Добыча. То, за чем пришли убийцы.

Рани Мира стояла на коленях у тела, прижавшись лбом к щеке мужа. Горе растекалось от неё, как волна, накрывая всех, кто стоял рядом. Единственный сын раджи, слишком маленький, чтобы понять, застыл возле матери — его била дрожь. Воины, некоторые в чужой крови, полукругом замерли за их спинами. Оглушённые. Растерянные. Без вождя.

Рани медленно подняла лицо. Посмотрела не на них — на него. Взгляд скользнул по взмокшей груди, по дикому, перекошенному ужасом лицу.

— Это ты? — спросила она. — Ты нас предал?

Он упал на колени. Прижался лбом к земле. Признал вину. Знал: она вправе приказать убить его. Это будет справедливо.

За спиной зашелестела сталь — воины вытащили клинки. Но рани остановила их жестом.

— Кто справится лучше него? — спросила она. — Кто вернёт украденное?

Вопросы повисли в воздухе. Ответа она не ждала.

Воины потупились, отводя глаза. А она снова повернулась к нему.

— Ты, Арди. Ты, с твоей глупой гордыней. Ты всё исправишь. Или умрёшь.

Она подняла с земли окровавленное перо из регалий — роскошное, сияющее, ещё недавно украшавшее голову её мужа. Протянула ему. Как обвинение. Как приговор.

Он принял. Вздрогнул, ощутив липкую влагу на древке. Знал, что она делает. Знал, что это значит для него.

— Пойдёшь к крис-мастеру. Закажешь клинок. Это приказ. Рукоять я сделаю сама.

Он склонил голову.

— И вернёшь всё, что у нас украли. Даже если путь твой ляжет на край света. Не смей возвращаться, пока не добудешь все три.

Шёпот пробежал по кругу воинов, как шелест листвы. Они понимали, о чём она просит. Может, даже жалели его. Чуть-чуть. А может — радовались, что выбрали не их.

— Ты знаешь, зачем это нужно. Знаешь, какой ужас может принести эта кража. Прошлого не изменить. Это — единственный путь искупить вину.

Голос её дрогнул, надломился — горе прорвалось наружу. Ему хотелось плакать.

— Я знаю, — прошептал он. — Если бы я мог отменить... Бесплезные слова. Он осёкся.

— Я знаю, что делать. Я сделаю. Сколько... сколько их было?

— Три. Вернёшься, только когда добудешь все три. А теперь — иди.

Он развернулся и пошёл прочь. Стыд и горе гнали его вперёд, хотя ноги уже отказывались держать.

На берегу корабль уже распускал паруса. Матросы — далёкие пауки на вантах — готовились к отплытию.

И Лейла была там. Ждала на песке. Длинные чёрные волосы блестели на солнце, морской ветер швырял пряди в лицо. Он остановился. Руки повисли, как мёртвые ветки. Одна сжимала золотистое перо.

Она молча смотрела. В глазах — страх. Слышала выстрел. Слышала птиц. Взгляд упал на окровавленное перо. Она поняла: это больше, чем смерть.

— Ты пыталась меня предупредить, — сказал он. — А я был глупцом и не слушал.

Лягушка под кокосовой скорлупой. Думал, что знает мир.

— Рани велела мне уйти.

— Тогда иди с духом ветра. И молись, чтобы тот же ветер принёс тебя обратно.

Ритуальные слова. Но голос дрожал от боли. Он видел слёзы на её щеках.

— Ты дождёшься? — спросил он.

И замер, ожидая ответа, от которого зависело всё.

Она не ответила.

Он смотрел, как она уходит, и понимал: он потерял всё. Дом. Семью. Любовь. Честь. Всю жизнь, которую знал до этого дня. Может быть — и саму жизнь. Ничего уже не исправить. Только шанс. Тонкий, как лезвие. Предотвратить худшее.

Он пошёл к крис-мастеру.

Первый шаг пути, который уведёт его на другой конец света.

Глава 1

Ардан замер. Ноздри дрогнули. Святые угодники, ну и запах.

Нет. Не запах — аромат. Густой, насыщенный, пряный. Он забивал нос, щекотал горло, просачивался в поры, пропитывал одежду. Каждый вдох — как глоток чужого, незнакомого мира.

Гвоздика. Корица. Мускатный орех.

Он знал эти запахи. Они были на кухне наставников. Но здесь, в темноте склада, они были другими — дикими, злыми, настоящими. Они не просили — они требовали. Вдохни. Почувствуй. Запомни.

Ардан вдохнул.

Хватит мечтать. Ты на задании.

Он тряхнул головой и поправил перчатки. Вольный сотрудник ордена не должен думать о богатстве. Ни к чему. Всё, что у него есть — это вера, долг и приказ.

Приказ был простым: проникнуть на склад, собрать сведения, уйти незаметно.

Просто. Как же.

Рассвет ещё не наступил, но первые лучи уже сочились сквозь щели ставен, расчерчивая полумрак косыми полосами. В углу, возле конторки счетоводов, ровными рядами стояли бухгалтерские книги. Всё остальное пространство зани-

мали тюки, бочки и мешки — груз с тысячетонного каррака «Пряный дракон», который вчера бросил якорь в порту.

Ардан сидел на стропильной балке под самой крышей и смотрел вниз. Проходы между штабелями напоминали лабиринт. Если заблудишься — конец. Если наткнёшься на охрану — конец. Если просто чихнёшь не вовремя — сам пони-маешь.

Он привязал конец верёвки к балке, сбросил свободный край вниз и скользнул по нему на ближайший тюк. Приземлился мягко, присел, замер.

Тихо.

Стянул перчатки, сунул за пояс. Кончиком кинжала раздвинул нити мешковины — ровно настолько, чтобы просунуть два пальца. Вытащил щепоть. Поднёс к носу.

Звёздочка размером с ноготь. Пахнет анисом, но сложнее — с примесью фенхеля? Или чего-то ещё? Он не знал. Сунул образец в мешочек и двинулся дальше.

Через четверть часа у него было восемь проб и примерный подсчёт груза. Бочки он не трогал. Приказ есть приказ.

«Никто не должен знать, что ты там был, Ардан, — сказала наставница, глядя на него тяжёлым взглядом. — Никаких драк. Никаких погонь. Никаких чудесных спасений. Ты — лазутчик, а не герой баллады».

«Ни царапины», — пообещал он тогда.

«С тобой никогда не бывает просто».

Ардан криво усмехнулся, вспомнив эти слова. Просто.

Как же.

Неприятности липли к нему, как стрелка компаса — к северу. Он не искал их. Они сами его находили.

Мысль ещё не успела остыть, а он уже понял: он здесь не один.

Что выдало? Выдох? Шорох подошвы о край бочки? Он не знал. Просто знал — и всё.

Волосы на загривке встали дыбом.

Он медленно опустил на корточки. Замер. Никто не закричал. Тишина стояла такая же густая, как запахи пряностей в воздухе. Но он чувал: его ведут. Не мышь. Не корабельная крыса. Не разохшееся дерево, разогретое утренним солнцем.

Человек. Кто-то шёл за ним.

Святые угодники, он хорош. Кто бы он ни был.

Двери склада были заперты снаружи. Улицу патрулировали стражи с аркебузами. Единственный выход — через крышу, тем же путём, что он пришёл. Ардан скользнул в проход между штабелями, двигаясь бесшумно, перетекая от тени к тени. Рука легла на рукоять кинжала.

Меч он оставил в комнате. Боялся, что помешает лезть на крышу. Теперь боялся, что зря.

Он почти добрался до верёвки, когда услышал шорох сверху. Поздно. Тело среагировало раньше разума — он бросился в сторону, но человек уже летел на него. Удар сбил с ног. Они покатались по полу, сцепившись в клубок. Ардана

вжало лицом в доски, рука вывернута, кинжал — под бедром, не достать.

Ну всё. Обещал же — ни царапины.

Он обмяк. Позволил мышцам стать ватными. Противник купился — хватка чуть ослабла. И тогда Ардан рванулся вверх и назад, вслепую вцепился в волосы и дёрнул.

Чужак хмыкнул и врезал ему кулаком по лицу. Из глаз брызнули искры. Они откатились друг от друга и вскочили одновременно.

Ардан вытер кровь с губ и впервые разглядел противника.

Пацан. Младше него — лет шестнадцать, не больше. На голову ниже. Чёрные глаза, смуглая кожа, волосы до плеч, стянутые в хвост. Не местный — такие не водятся в их краях. Одежда матросская, воняет солью и дёгтем. Босые ноги. Стойка — боевая. Руки разведены, корпус покачивается. Драться умеет.

Ласкар. Точно — ласкар. Ардан слышал о таких: матросы с южных островов, прирождённые моряки, обуви не носят, нанимаются на корабли за гроши. Но здесь, на севере, в промозглой столице? Это как пальма в снегу.

Ласкар прыгнул первым.

Нога взлетела в ударе — резко, боком, неожиданно. Ардан замешкался на долю секунды, и пятка, твёрдая как копыто, врезалась ему в запястье. Кинжал вылетел из пальцев. Рука онемела.

Чтоб тебя.

— Может, поговорим? — Ардан попятился, прижимая ушибленную руку к груди. — Ты ведь тоже не хочешь тут попасться.

Ласкар не ответил. Усмехнулся — белозубо, весело — и снова бросился в атаку.

Ардан ушёл вниз, выбросил ногу, подсек колено. Ласкар рухнул. Ардан навалился сверху, пытаясь прижать его к полу. Они покатались, рыча и раздирая друг на друге одежду. Ласкар боднул его в лицо — из носа хлынула кровь. Ардан всадил колено в живот. Ласкар хекнул, но не разжал хватки.

Ничья.

Они разошлись, тяжело дыша. Рубашка Ардана висела ключьями, нос распух, во рту — солёный вкус крови.

Ласкар подобрал с пола его кинжал и вытащил свой. Лезвие — волнистое, изогнутое, хищное. Моряки болтали, что в таких клинках живёт колдовство. Ардан сглотнул.

Прости, наставница. Кажется, опять не вышло.

Он попятился и опрокинул на пол первую попавшуюся бочку. Та грохнулась под ноги ласкару, но тот даже не поморщился. Ардан сбросил вторую, третью — поменьше, обвязанную тростником. Тростник лопнул. Бочка треснула. В воздух взметнулось облако ярко-жёлтой пыли.

Ардан закашлялся, чихнул, ослеп, споткнулся об обломок и рухнул лицом в пряность. Попытался встать — и замер.

Прямо перед ним, упираясь остриём волнистого клинка ему в бок, сидел на корточках ласкар. В чёрных глазах пля-

сали весёлые искры.

— Это что за дрянь? — прохрипел Ардан.

— Кунит. У вас говорят — турмерик.

— Специя, надеюсь? Не яд?

Улыбка стала шире.

— Может, ты не доживёшь до яда, а?

Боковая дверь склада распахнулась с мерзким скрипом. В проём хлынул свет, голоса, топот ног.

Оба замерли. Ардан и ласкар — одновременно, как по команде — нырнули за штабель. Ласкар прижал палец к губам, второй рукой приставил клинок к горлу Ардана.

— Выдашь — убью. Понимаешь?

Ардан закатил глаза. Можно подумать, у него был выбор. Они затаились.

Людей было пятеро. Один — главный: говорил громче всех, командовал. Остальные прошли к столам счетоводов. Не клерки — рано ещё для клерков. Тайная встреча.

— Ну, мейстер Кеслер, — пророкотал чей-то голос, — зачем вытащили нас из постелей в такую рань? Надеюсь, причина достойная.

Кеслер.

Ардан чуть не поперхнулся. Утен Кеслер — главный торговец Устгринда. Его флот — крупнейший во всём королевстве. Если такой человек собирает встречу в пять утра на портовом складе — значит, дело пахнет не только пряностями.

Он напряг слух, но голоса стихли. Купцы перешли на шёпот.

— Невероятное предложение! — взорвался новый голос. — У вас черви в голове, Кеслер, если вы думаете, что мы согласимся!

Ответ снова прозвучал неразборчиво. Ардан стиснул зубы. Какое предложение? От кого? О чём?

Он полез наверх, на тюк, чтобы видеть. Ласкар — за ним. Они устроились рядышком, как два заговорщика, и уставились в щель между мешками.

За столом горел фонарь. Кеслер сидел лицом к ним — грузный, властный, с уродливой шишкой на носу.

— Прибыль? — снова заговорил первый купец. — Не с этого вашего похода, мейстер Кеслер. Я заметил, ваши карраки не вернулись в порт.

— Потоплены на островах, — отрезал Кеслер. — Корабельный червь. Из каждых четырёх матросов трое умерли. «Пряный дракон» пришёл один. Меньше людей — больше прибыли для остальных.

Ласкар дёрнулся. Мышцы на плечах вздулись. Ардан почувствовал, как его сосед сжал рукоять клинка.

Он был на том корабле. Те мертвецы — его товарищи.

Купцы тем временем продолжали:

— ...новая конструкция судна. Называется флейт...

— ...Регал запросит долю...

— ...у меня есть наживка, — произнёс Кеслер. И положил

на стол что-то гулко стукнувшее.

— Деревяшка? — хмыкнул кто-то. — Это ваш подарок Регалу?

— Это бамбук, — ответил Кеслер. — С островов Летних Морей. Растёт полым внутри.

Ласкар вздрогнул. На этот раз — иначе. Ардан увидел на его лице странную смесь ярости и жадного интереса.

— Ценность не в палке, — продолжал Кеслер. — Ценность в содержимом.

Ардан вытянул шею, пытаясь разглядеть, что там на столе. Бесплезно. Ласкар вдруг резко подался вперёд и полез через тюк — открыто, нагло, не скрываясь.

Ты что творишь?!

Ардан схватил его за лодыжку, рванул назад. Ласкар лягнулся, вырвался и пополз дальше, прямо к столу купцов.

Наставница говорила — я безрассудный. Да я образец смирения по сравнению с этим придурком.

Ардан скатился вниз, обогнул рассыпанный турмерик и двинулся к верёвке. Пора убираться. Сведения собраны, осталось унести ноги.

— ...Регал Вильмар — как сорока, — донёсся голос Кеслера. — Любит блестящее. Ему понравится мысль, что король Эдвейн останется с носом, пока наши дамы скупают товары у нас...

— Папа! Папа! — зазвенел детский голос. — Тут кто-то был! Бочка разбита, и жёлтые следы! Иди сюда!

Дьявол.

Пятый человек. Мальчишка. Сын Кеслера.

Склад взорвался криками. Стучали стулья, гремели сапоги. Кеслер звал сына, купцы метались между штабелями. Ардан вскарабкался на тюк. Лёг плашмя. Оглянулся.

Мальчишка стоял внизу и смотрел прямо на него.

Одет как маленький купец: чёрный костюм, серебряные пряжки, кружевной воротник. Лет десять. Взгляд — цепкий, не по годам.

Они уставились друг на друга. Ардан медленно, очень медленно поднёс палец к губам.

Мальчишка не закричал.

Вместо этого он опустил руки под подбородок, сложив ладони в ритуальном жесте — приветствии священника. Ардан взглянул вниз и увидел, что медальон выпал из разорванной рубахи и качается на цепочке. Дубовый лист внутри круга. Эмблема служителя ордена.

Мальчишка знал этот символ. И, похоже, уважал.

Ардан улыбнулся и благословил его — коротким движением пальцев. Мальчишка прижал руку к сердцу. Развернулся. Ушёл.

Ардан выдохнул.

Не теряя больше ни секунды, он взлетел по верёвке на балку, втянул её за собой и отодвинул черепицу. Холодный утренний воздух ударил в лицо.

Он глянул вниз напоследок.

Ласкар уже был на стене — карабкался по отвесным доскам, работая босыми ногами и кинжалом. За пазухой у него торчал бамбуковый стержень. Украл. У купцов под носом. И улыбается.

Они встретились взглядами через весь склад. Ласкар помахал ему палкой — гляди, мол, что у меня.

Ардан покачал головой и полез на крышу.

Выстрел грохнул, когда он уже выскользнул наружу. Пуля ушла мимо. Ещё один выстрел — из аркебузы, с улицы. Ардан не оглядывался. Бежал по гребню крыши, перепрыгивая на соседние склады, пока не услышал свист.

Он обернулся.

В воздухе, вращаясь, летел кинжал. Волнистое лезвие пересекало воздух, и — клянусь святыми—остриё всё время указывало на него.

Ардан бросился вбок. Клинок чиркнул по штанине ниже колена и застрял в ткани.

Он не остановился. Сдёрнул кинжал, сунул за пояс и побежал дальше.

Глава 2

— Эй, ты! Чего тут забыл? Это собственность Кеслера! А ну пошёл вон!

Ардан стоял на причале неподалёку от склада, в который лазал восемь часов назад. Он обернулся — без спешки, с ленцой — и поправил бархатную шапочку, чтобы ветром не сдуло.

— Прошу прощения? — спросил он вежливо.

После утренней вылазки он отмылся, поспал пару часов в дешёвом ночлежном доме у порта и оделся в облачение послушника. Длинные полы раздражали, но ряса давала главное — уважение. И ещё в глубоких карманах можно было спрятать всё, что служителю ордена не положено: отмычки, крючья, моток проволоки. И меч, висящий под одеждой.

Патент арбитра, подтверждающий годы его обучения, давал ему право носить облачение. Единственной ложью была медальон на шее — не орденский дубовый лист, а местный символ, который он надел утром, вспомнив мальчишку со склада.

Наставница будет в ярости, если узнает.

Он был неосторожен. А наставница не любил неосторожных.

— Прощения просим, служитель, — стражник опустил пику. — Не признал сразу, что вы человек веры. Но здесь

частный причал, господин. Чтоб глазеть, разрешение нужно.

Ардан оглядел пику — острую, злую — и придал лицу выражение смирения.

— Тогда это мне следует извиниться, — он говорил с лёгким южным акцентом, растягивая гласные. — Просто я слышал, что сегодня на рассвете здесь утонул язычник. Меня ввели в заблуждение? Я хотел прочесть молитву за его неприкаемую душу. Хотя благословен тот, кто умирает через воду.

Он коснулся медальона. Местные верили в Путь Потока, но признавали верховную власть ордена — так же, как и его родные края.

— Значит, утопленник действительно был?

— Ага. Сам видал. Один из тех смуглых язычников с юга.

Интересно. Ласкара не признали.

— Тогда тем важнее почтить его благословением.

Стражник хмыкнул.

— Он спёр со склада какую-то штуку. Палку заморскую, вроде. Полез на крышу, а наши его подстрелили. Он и рухнул — прямо в воду, и палку не выпустил. Промаяхнулся мимо настила — и бульк. Я глаз не сводил. Плавал лицом вниз, пока из виду не скрылся. Точно мертвяк. Никто столько воздух не задержит.

— Кто-нибудь спас украденное?

— Не, не слышал. В кулаке зажал, так с ней и пошёл ко дну. Пока лодку снарядили — ни тела, ни палки.

— Он был один?

— Не знаю точно. Болтали про второго, но никто толком не разглядел.

Ардан покачал головой.

— Дурная смерть. Вором на чужбине. Но он заслуживает молитвы. Вдруг Создатель смилуется.

Он поднял медальон в сторону устья и зашептал слова погребальной молитвы. Говорил искренне, хотя сам с трудом верил, что ласкар мёртв. Слишком уж живым он был. Слишком наглым.

Я даже имени его не знаю.

Не будь стражника рядом — достал бы из кармана волнистый кинжал и бросил в воду. Вместо этого Ардан развернулся и пошёл прочь.

В Устгринде ему больше делать было нечего.

Торговая компания Кеслера нашла путь к Островам Пряностей. Морем, минуя сухопутные караванные тропы. Это означало одно: большие перемены. И перемены эти будут стоить кому-то очень дорого.

Ардрайн будет переплачивать. Мунтдорн и другие княжества — тем более. А орден, отвечающий за духовное здоровье всего полушария, будет не в восторге.

Ардан вздохнул и пошёл покупать билет на плоскодонку, что ходила вдоль западного берега. Отлив — завтра на рассвете. Путь — до Бораджа, в устье реки Ард, а оттуда на барже в Вавал, к наставнице, с докладом.

Билет лёг в карман. Он уже возвращался в ночлежку, когда в боковом проулке путь ему преградила телега.

Он хотел протиснуться мимо — и замер.

Чумная телега.

В горле поднялась горечь. Память швырнула в прошлое. университет, эпидемия пятнистой лихорадки, крики возчиков по ночам: «Выносите мёртвых!»

Двое мужчин вышли из ближайшей лачуги. Лица обмотаны тряпками. Тащили человека, мужчину — за плечи и лодыжки. Скинули в телегу, как дохлую крысу, и вернулись в дом.

В воздухе пахло мускатным орехом. Станный запах для нищего квартала.

Ардан протиснулся мимо телеги, глянул вниз — и остолбенел.

На него смотрела демоническая маска. Нет — лицо. Бывшее человеческое. Глаза выпучены. Бычьи ноздри раздуты. Рога — настоящие, острые, загнутые назад — росли из бугристого черепа и впивались в макушку.

Святые угодники. Что это за уродство?

Мертвец дёрнулся и схватил его за запястье.

Ардан шарахнулся, треснувшись затылком о стену. Хватка была как железо. Умиравший — живой — притянул его к себе, вплотную, так что в лицо ударило гнилое дыхание.

— Сюрприз! — прохрипел он. — Не помер ещё! Гляди, святоша, гляди на работу Врага рода людского и трепещи!

Видишь дьявольские рога? А ты думал, ты под защитой Создателя!

Он захохотал — безумно, жутко — и тут же его вырвало чёрной желчью. Он рухнул на дно телеги, как брошенный мешок. Улыбка угасла. Глаза затянуло — сначала отчаянием, потом смертью.

Ардан вырвал руку. Его трясло. В горле стоял смрад. Надо бы читать молитву умирающему, а он думал только: Слава Создателю. Сдох.

Двое вернулись. На этот раз они несли женщину — тоже с рогами, с клыками, пробившими губу. Мёртвую, уже окоченевшую.

— Что это за хворь? — выдохнул Ардан.

Один из возчиков ушёл в дом. Второй глянул на него тусклыми, ввалившимися глазами.

— А, служитель веры, первый раз Рогатую Смерть видишь? Привыкай, парень. Ещё насмотришься. — Он достал из-за пазухи помандер с мускатным орехом, поднёс к лицу и вдохнул.

Первый возчик вернулся с телом ребёнка, мальчика. Швырнул в телегу, не глядя. Тело ударилось с мерзким хрустом. Ардан отдёргнул взгляд, пересиливая рвоту.

— С мёртвыми — по-людски, — выдавил он. — Они не в нашем мире, но у живых осталось достоинство!

— Не у этих, — лениво отозвался возчик. — Этих враг рода людского забрал. Теперь это дьявольская работа. Твоя за-

бота, брат-служитель, не моя. Но попомни моё слово: слишком много близнецов рождается. Путь Потока обречён, если вы, святоши, не разберётесь с корнем зла.

При чём тут близнецы?

Ардан не успел спросить. Возчики взялись за ручки и укатали телегу прочь — быстро, не оглядываясь.

— Куда вы их?! — крикнул он вслед.

Никто не ответил.

К тому времени, как он добрался до ночлежки, встреча казалась почти сном. Он закрыл дверь на щеколду, повесил рясу и меч на крюк и рухнул на кровать.

Проснулся затемно. В комнате было тихо. Свет луны сочился сквозь щели в стенах, с улицы доносились голоса и смех. Дверь заперта. Ставни закрыты. Никого.

Но что-то изменилось.

Он встал, нашёл трутницу, высек огонь. Руки дрожали. Свеча разгорелась — и он увидел.

Кинжал ласкара лежал на полу. Между дверью и кроватью.

Ардан смотрел. Пытался вспомнить. Он положил его в карман рясы. Точно положил. Но кинжал лежал на полу, и это было невозможно.

Устал. Сам забыл. Сам выронил.

Он поднял клинок. Повертел в руках. Красивая работа: роговая рукоять с серебряной филигранью, перекрестье — продолжение лезвия, асимметричное, странное. Само лезвие

— волнистое, обоюдоострое, с золотистыми прожилками в металле. Не оружие — произведение искусства.

Только это ошибка. Кинжал не режет — он летает. Он видел, как эта штука со свистом рассекала воздух. Пробовал метнуть сам — в дверь. Трудно, но возможно. А если бить остриём — войдёт, как раскалённая игла в свечной воск.

Хватит. Ты просто голоден и зол.

Он оделся и вышел в ночь.

До Бораджа плыли три недели.

Плоскодонка ползла вдоль берега, и с каждым днём берег становился всё более чужим. В Борадж вошли на закате: рыбацкий флот ушёл в море, причал пустовал, доски блестели рыбьей чешуёй. Вдалеке, на холме, последние лучи солнца золотили роскошную усадьбу.

— Дворец Фоксхайм, — сказал капитан, облокотившись на поручень рядом. — Тамошний премьер из ветви Шенат. Богатые, как устрицы, говорят.

— Не попасть в Вавал сегодня?

— Никак. Можете остаться на борту, служитель. В Борадже чума.

Сердце ёкнуло.

— Откуда знаете?

Капитан указал на холм.

— Чумной флаг. Скорее всего, Рогатая Смерть. Да вы не волнуйтесь, она теперь часто вылезает, но не шибко расходуется. Кое-кто болтает, мол, Враг рода людского и близнецы

виноваты. Ерунда, я так считаю. Я знаю, что с близнецами бывает. Но если хотите — оставайтесь.

Ардан хотел спросить — что вы имеете в виду, что с близнецами? — но осёкся. Спросишь, что все и так знают — вызовешь вопросы. Меньше вопросов — дольше живёшь.

— Нет, благодарю. Я остановлюсь в обители.

Ему нужна была баня. И мыло. И хоть одна ночь без вшей.

В обители он вымылся, поел, лёг в настоящую постель. Брат-настоятель сказал, что Рогатая Смерть поразила только две семьи на окраине. Можно не бояться.

Проснулся через час.

Тело качало, как на палубе. Голова кружилась. Он забыл, что после долгого плавания земля всегда мстит. Комната — келья местного монаха — плыла перед глазами. Лунный свет падал через узкое окно без стекла.

Что-то шевельнулось на полу.

Он замер. В глазах двоилось. Показалось. Но нет: серебристое, извивающееся нечто скользнуло по каменным плитам. Как змея. Или червь.

Бред. Морская болезнь.

Мир выравнился. Зрение прояснилось. И он увидел.

Кинжал.

Волнистый клинок ласкара лежал посреди лунного пятна. На голом полу. Там, где секунду назад ничего не было.

Ардан перестал дышать.

Колдовство.

Он знал: если не сводить с него глаз, может, он не двинется. Но если отвести...

Если отвести — убьёт.

Он взмолился — без надежды, потому что Создатель редко отвечал на молитвы.

В лунном свете золотые нити в металле светились. Живые. Он уже видел такое. Где?

На столе Кеслера.

Там, среди бумаг, бамбуковой палки и рассыпанных золотистых искр... не искр. Не монет. Лёгкие, как пух. Как лепестки. Как перья.

Перья?

Бред. Перья не кладут в клинок. Металл их сожжёт.

Он натянул одеяло до подбородка. Против человека он бы вышел не думая. Но против того, что выползает из сумки и ползёт по полу, как змея... Нет.

Он не встанет. Будет смотреть до утра.

Через полчаса он заснул.

Разбудил его колокольный звон.

Монахи звонили к утренней молитве. Свет уже просачивался в окно. Ардан сел, ещё не проснувшись до конца, и первым делом глянул на пол.

Пусто.

Приснилось.

Он выдохнул. Дурак. Кинжал лежит на дне сумки, где и лежал. Всё это — дурной сон, морская болезнь, нервы.

Он встал, потянулся за горшком под кроватью — и застыл.

На подушке, рядом с вмятиной от его головы, лежал волнистый кинжал.

Глава 3

В доме было холодно.

Всегда. Даже в разгар лета. А сейчас, осенью, холод пробирал до костей. Может, виной тому высокие потолки и длинные коридоры. А может — простая истина: в этом доме не осталось тепла для жены землевладельца Никарда Эрмайна.

Соррель плотнее закуталась в шаль и поёжилась.

Дура. Это место выпивает тебя по капле. Однажды проснёшься — а от тебя только сухая шелуха на простыне.

Из-за двери доносились голоса. Никард — она узнала его по тону, слов было не разобрать. Пьяный, разумеется. Он всегда пьян, когда играет в кости с друзьями. Особенно если здесь его брат Хильмард. А сегодня он был здесь.

Никард и Хильмард. Два претенциозных брата. Северяне из рода Шенат, хоть давно не живут в холмах. Землевладельцы, богатые настолько, чтобы нанимать работников и считать себя выше простых йоменов. Их родители ещё при рождении сыновей отвернулись от шенатских обычаев, отказавшись от природных имён. А Никард пошёл дальше — назвал дочь Антонией.

Напыщенное имя для её маленькой Хизер.

Она никогда его не использовала.

Будь они прокляты. Из-за них я сижу здесь, в холодном коридоре, на жёстком стуле, и жду — не позовёт ли муже-

нёк-игрок или его братец-пьяница в гостиную. Рядом — тёплая дамская комната, камин, огонь... Но если я уйду туда, то не услышу зова. А Никард не любит ждать.

Она знала это по опыту.

Уйти. Надо просто уйти.

Но если она уйдёт — она потеряет всё, что осталось от Хизер.

Глупо. Но правда. Хизер родилась здесь. Её лепет ещё жил в детской. Её шаги ещё звучали в коридорах. Её смех прятался за живыми изгородями сада. Как бросить единственное место, где осталась память о дочери?

Да и куда идти? У меня ничего нет.

Ни денег. Ни собственности. Ни семьи, которой было бы дело до того, что с ней станет.

Холод пробирал до дрожи. Она сунула руки под себя, пытаясь согреть. Если Никард не позовёт в ближайшее время — может, рискнуть и лечь спать?

Она прислушалась.

В комнате остались только братья. Остальные — соседи-землевладельцы — уехали около часа назад, ближе к полуночи. До этого Никард каждые полчаса звал её: подай выпить, подбрось дров в камин.

«Ей нравится делать для меня эти мелочи, — объяснял он гостям. — Она считает, слугам надо ложиться пораньше. Правда, сладкая моя госпожа?»

И улыбался — благодушно, снисходительно. Насквозь

лживо.

Всё из-за того, что однажды, в начале их брака, она сказала, что нечестно заставлять слуг не спать допоздна, если им вставать на рассвете. Он обвинил её во вмешательстве в порядки его дома. Его — никогда не их. С тех пор он нашёл сотню способов наказать её за эти слова. Сегодняшняя ночь — один из них.

Он никогда её не бил. Наверное, понимал: в первые годы она бы выцарапала ему глаза. Тогда она была дерзкой. Своевольной. Но теперь... Теперь её смелость сточилась под его презрением.

Как вода о камень.

Она знала, когда сломалась. В тот миг, когда стояла на коленях у подножия лестницы, глядя на тело дочери, на кровь, что сочилась из ушей, изо рта, из носа.

В тот миг она тоже умерла. Говорила, улыбалась, слушала — но всё это ничего не значило.

Её сердце. Её радость. Её драгоценная дочь. Три года — и навсегда. Хизер, которая никогда не слышала голоса матери. Никогда не слышала собственного смеха. Хизер Эрмайн, рождённая глухой. Обречённая быть позором для отца.

Полгода прошло. А боль всё рвала внутренности. Равновесие — хрупкое, как жжённый сахар — разбивалось по шесть раз на дню. Словом. Воспоминанием.

Ей было двадцать два. Она знала: надо начинать жить заново. Но не знала как.

Пьяный смех за дверью оборвал мысли. А следом — имя Хизер. Как насмешка.

Соррель вскочила. Никард никогда не говорил о дочери. Никогда не подавал виду, что помнит о её смерти. С чего бы ему вспоминать при брате?

Она прижалась ухом к двери.

Та подалась.

Соррель вздрогнула. Не заперла как следует, когда входила в прошлый раз. Голоса из невнятного бормотания стали словами.

— ...не знай я правды, сказал бы — не моя. Не может быть моя кровь причиной тому, что она родилась глухой. Лучше сдохнуть, чем быть убогой.

Никард. Он даже после смерти Хизер не мог заткнуть свою желчь.

Хильмард — голос заплетался — ответил:

— Она б и без твоей помощи померла. Хилая кровь. Но если б кто увидел, что ты сделал... тебя бы вздёрнули! Кровь Создателя, Ник, ты всегда был безмозглым. Пора учиться держать себя в руках.

— Заткнись, Хиль! Вечно ты об этом! Надоело её хныканье. Забудь!

Соррель отшатнулась, вжавшись в стену.

Хильмард сказал... что Никард убил Хизер?

Собственную дочь?

Создатель, пусть это будет неправдой.

Сердце колотилось. Ноги подкосились. Она сползла по стене на корточки.

Этого не может быть. Не может...

Слова Хильмарда ещё звучали, но она их почти не слышала.

— ...зря ты вообще женился на этой деревенской доярке. Смазливая мордашка, хорошие зубы — и всё. Она дочь пахаря! Чего ещё ждать от йоменского семени, как не бракованного приплода...

— Заткни пасть, Хиль! Я женился не из-за её доярочьей красоты.

— Ах да, вспомнил. Ты женился, потому что её отец заставил. Ему нужны были твои денежки, а у него были доказательства, что ты убил того йомена в Бармент-Грин. Пришлось взять её с его грязных рук — и заплатить за молчание. — Хильмард гоготнул. — Результат-то один. Тебе придётся с ней смириться, и похоже, чрево у неё усохло.

Соррель согнулась пополам. Её рвало — беззвучно, судорожно, прямо у двери. Она привалилась к стене, плечи тряслись.

Никард убил Хизер.

Никто не задавал вопросов. Никто не подумал о немислимом. Что отец мог убить свою дочь. Сбросить её с верхней площадки лестницы вниз...

Тот миг. Выжжен в памяти навсегда.

Крик Хизер — один-единственный — резко оборвался.

Соррель выбежала на площадку. Никард стоял наверху, не в силах — как ей тогда казалось — пошевелиться от ужаса. Позже он сказал: Хизер побежала вниз впереди него. Споткнулась. Упала.

Она не сомневалась. Ни на секунду.

А теперь правда была невыносима.

Рыдание застряло в горле и вырвалось икотой.

Дверь распахнулась. Никард стоял на пороге. Смотрел на неё. Взгляд твердел. Желваки заиграли.

Она увидела опасность. Почувствовала — как кролик чувствует лису. Хильмард не поможет. А он... он говорил о другом убийстве. Никард убил кого-то ещё до их свадьбы.

Я труп.

Она побежала. Подхватила тяжёлые юбки — и побежала.

Середина холла. Выбор: парадная дверь — успеть бы отодвинуть засовы... Чёрный ход через кухню... Или вверх по лестнице?

Плохие варианты. Все плохие. Слуги спят на чердаке, Никард настигает. Она метнулась через холл, теряя шёлковые туфли.

Лестница.

Забаррикадироваться в спальне. Выиграть время. Может, он остынет. Может, Хильмард его успокоит.

Она взлетела по ступеням, юбки — в охапке. Успела на площадку. Не успела сделать шага — он схватил её за запястье.

Пьяный. Но ярость гнала его.

Развернул. Притиснул. Дохнул элем в лицо.

И тут её гнев — долго копившийся, запретный — прорвался.

— Ты убил Хизер. Зачем? Она была ребёнком. Твоим ребёнком. Она не виновата, что родилась глухой.

Он покачнулся, ловя дыхание.

— А что она значила? Бракованный товар. Бесполезный ублюдок, от которого моему дому был бы только позор. Лучше сдохнуть. — Он помолчал. — Да и что толку от женщины, которая не может родить наследника? Упасть с лестницы так... легко.

Уголок его губ дрогнул в улыбке. Её замутило.

Страх должен был захлестнуть её. Но вместо страха пришла ярость. Чёрная волна — изнутри и снаружи — пока она не стала гневом в чистом виде. Вся её жизнь была ложью. Отец продал её. Муж никогда её не хотел. Их ребёнок был обузой.

Внизу, у подножия лестницы, Хильмард поднял голову.

— Никард, — предостерегающе окликнул он. — Не будь дураком.

Никард обернулся.

— Не лезь, Хиль. Это моё дело.

В ярости и отвращении она рванула руку вверх, выворачивая запястье. Он потерял равновесие, закачался на краю верхней ступени.

Без мысли. Без колебаний. Она сказала:

— Это за Хизер.

И толкнула.

Он рухнул назад. Руки взметнулись в пустоте. Череп ударился о ступеньку с глухим треском. Тело покатилося вниз, голова билась о каждую ступень. Она увидела ужас на лице Хильмарда — и побежала.

В спальню.

Засов. Комод к двери — подпереть. Хоть немного времени.

Она дышала — рвано, судорожно. Трясло так, что пальцы не слушались.

Я убила его.

Может, он не умер.

Что хуже — она не знала.

В любом случае — бежать. Или виселица.

Она оглядела тёмную комнату. Окно. Снаружи дубовая ветка скреблась в стекло, манила, звала за собой.

Зов.

Мысли метались, дикие от страха.

Она распахнула створку. Шёпот листвы стал громче — шорох, песня, приглашение.

Я из Шенат. Во имя дуба и жёлудя — прошу прощения. И пощады...

Она влезла на подоконник. Протянула руку к ближайшей ветке.

Глава 4

— Дай-ка уточню, — голос Верховной Наставницы сочился сарказмом. — Вопреки всем обещаниям ты решил устроить потасовку под носом у самых богатых и влиятельных людей Ловира. Поставил миссию под удар. Подставил орден.

— Вообще-то меня не спрашивали, ваше преподобие.

— Тебя никогда не спрашивают.

— Я стараюсь... — начал он.

Она оборвала его звуком, который иначе как презрительным фырканием не назовёшь. Знаменитое фыркание Верховной.

В миру её звали Филлирель — в честь бабочки с хрупкими крыльями. Но Верховная Ридлинг не была ни хрупкой, ни хорошенькой. Выше большинства мужчин, в плечах не уступала гвардейцу, в неизменном тускло-зелёном облачении. Железно-серые волосы убраны в сетку на затылке — не для красоты, для дела. Лицо без пудры и румян. Большинство, глядя на седину и морщины, давали ей лет шестьдесят. Ардан в этом сомневался. Двигалась она с лёгкостью моло-

дой женщины, и тыльные стороны ладоней оставались гладкими.

— Я делаю, что могу, — сказал он, пытаясь выдержать её взгляд. Трудно, когда она выше тебя.

— Запомни раз и навсегда, послушник, — сказала она. — Равновесие между орденом и королевствами, между Путём Потока и Путём Дуба — это тончайшая дипломатия. Я должна выглядеть нейтральной. А ты, по собственному признанию, светил нашим дубовым листом на вражеской территории — и дал мальчишке Кеслера его увидеть!

Она мерила келью шагами, как хищник в клетке. Разворот — ледяной взгляд. Ещё разворот.

Как она вообще узнала? Я же не говорил.

— Ваше преподобие, я понимаю: если бы Регал Вильмар решил, что вы отправили лазутчиков шпионить за его купцами, он счёл бы это оскорблением. И трона, и себя лично. Медальон — моя ошибка.

— Единство двух Путей — как ходьба по льду над бездной, — отрезала она. — А ты едва не проломил корку. Мне особенно трудно, потому что я из Шенат.

Он знал. Путь Дуба начался в Холмах Шенат, где первые алтари возвели невидимым Хранителям лесов и полей. Шенатские священники принесли веру в Ловир — а ловирцы переиначили её в Путь Потока, объявив свой вариант чище. Когда-то из-за этого даже воевали.

Спустя века некий благословенный святой из Вавала объединил оба Пути под властью единого Создателя. Но единство всегда было шатким. Верховных обычно избирали из служителей Внутренних земель, где поклонялись и так, и этак. Филлирель Ридлинг была исключением.

— Садись, — она махнула рукой в сторону стола. — Будем надеяться, мальчишка Кеслера держал язык за зубами. Объясни мне про ласкара.

— Ласкары иногда приходят в наши порты матросами с каррадарских кораблей. В Ловире их почти не видят. Я поспрашивал. На «Пряном драконе» был один — молодой парень по имени Арди. Думаю, мой ласкар — это он. Описание совпало.

— И теперь он мёртв.

— Похоже на то.

Может быть. Что-то в рассказе стражника царапало его. Что-то неправильное. Но он ещё не понял, что именно.

— Перейдём к встрече купцов. Зачем Кеслеру сотрудничать с конкурентами?

— Флейт — новый тип судна. Для больших грузов и дальних переходов. Думаю, встреча была о деньгах. Хотят строить корабли в складчину.

— Конкуренты? — она задумалась. — Возможно. Но позволит ли Регал такой союз? Он ведь продаёт торговые лицензии по отдельности. На этом и стоит.

— А если ему предложить долю и дорогой подарок?

Она снова умолкла.

— Регал — как сорока, — медленно проговорила она. — Любит блестящее. То, чего нет ни у кого. Но перья не имеют цены.

— Думаю, перья были просто упаковкой. Мягкой, для хрупкой вещи. А золотистые нити в кинжале — совсем другое.

— Итак, нечто ценное, упакованное в перья внутри бамбука, должно было купить поддержку Регала. А ласкар это украл. И теперь подарок на дне портового канала или плывёт по течению из устья?

— Скорее, Кеслер уже вытащил содержимое. Ласкар взял пустой бамбук и не понял этого.

Глаза её сузились.

— Что может быть настолько ценным, чтобы Регал согласился на торговую монополию? — она постучала пальцем по его письменному отчёту. — Новая специя? Лекарство? Кеслер обмолвился, что придворные дамы будут требовать товар, который может поставить только Ловир. Но «безделушки и блестящее» — это не специи.

— Жаль, я не слышал больше.

— Жаль, что ты вообще там был, — отрезала она. — Что ласкар делал на складе?

— Воровал. Очевидно.

— Не уверена. Если это тот самый Арди с «Пряного дра-

кона», ему только что заплатили. Зачем воровать?

— Жадность?

Она издала горловой звук.

— Поставь себя на его место. Что за человек плывёт через полмира под началом чужаков, с командой, говорящей на другом языке, исповедующей другую веру, и прибывает в незнакомую страну?

— Безумец? — предположил он. — Раб?

Она молчала. Спина — красноречивее слов.

— Искатель приключений, — сказал он уже серьёзно.

— Я бы сказала — герой. Или по меньшей мере очень храбрый человек.

Зараза. Она права. Он действительно был храбрым.

— Кто-то, кто ищет что-то ценное. Просвещение. Знание. Нечто, что у него украли.

Она кивнула.

— Возможно, он пришёл забрать то, что отняли ловирские купцы. То, что было внутри бамбука.

Она встала, подошла к окну. Заговорила тихо, почти шёпотом:

— Торговля специями не принесёт нам добра.

— Вы боитесь усиления Ловира.

— Да. Но не потому, что я ардрайнка.

— Я и не думал, — поспешно сказал он. — Богатый и наглый Ловир — это напуганный Ардрайн. А это — война.

— Возможно. Но не война меня тревожит. В Ловире есть зло похуже, и богатство его только усилит.

Дрожь в её голосе поразила его. *Страх? Верховная — боится?*

— Скажи, — спросила она, — не заметил ли ты в Ловире ничего странного? Необычного?

Его рука сама потянулась к поясу, где теперь висел кин-

жал ласкара. Он хотел показать. Хотел рассказать. Он пытался избавиться от него: оставить в обители, продать точильщику, сбыть кузнецу. Каждый раз — в последний миг — не мог.

Сейчас пальцы свело судорогой. Они отказывались сжимать рукоять. Он открыл рот — и не смог выговорить ни слова.

Что за...

— Не важно, каким необъяснимым это казалось, — добавила она.

Он вспомнил улыбку ласкара за миг до броска. Не злую. Не враждебную. Улыбку надежды.

Он не отвлекал меня. Он дарил.

Он снова попытался заговорить — и слова застряли в горле. Мысль ускользнула, как рыба из пальцев.

А, неважно.

Он расслабился.

— Рогатая Смерть, — сказал он вместо этого. — Я видел её. Человек умер у меня на глазах. Говорил о Враге.

— И что ты думаешь?

— У них рога растут. Настоящие. Они меняются, становятся похожи на зверей. Это было... жутко. Бесчеловечно.

— Мне описывали.

— Ещё странность. Дважды при мне говорили о близнецах. Якобы они виноваты в чуме. Бред, но люди верят. Я вспомнил: в Ловире есть старые мифы, что близнецы — дьявольское семя.

— Суеверия живучи, — она пожала плечами. — Чума ужасна, людям нужно объяснение за пределами веры. Если существует Враг, у него должны быть слуги. Почему выбрали близнецов — не знаю. Но это всего лишь глупые суеверия.

У него зачесался затылок. Она что-то скрывала.

— Вы замечаете следы, ваше преподобие. Что происходит в Ловире?

Пауза. Потом она сказала:

— Я не знаю точно. Что-то, о чём знает сам Регал. И молчит. Рогатая Смерть. Близнецы. Люди Регала. Есть связь.

— Хотите, я вернусь и разведу?

— Нет, — ни тени колебания. — У меня там другие. А ты поедешь в Ардрайн. Ко двору короля Эдвейна, в Троссель.

Ардан моргнул. В мыслях всплыли туманные долины Шенатских Холмов. Но двор? Камень, мрамор, этикет. Он подавил вздох.

Ненавижу протокол.

— Король просит духовного наставника для принца Риса и принцессы Матильды.

— И?

— И я посылаю тебя.

— Меня? Духовным наставником? Детям короля?

— Сейчас ты скажешь, что ты больше по алтарям у дуба, и что из тебя плохой советник для дворцовых юнцов, которые

в жизни не были в священной роще.

Опять мысли читает.

— Тогда зачем я?

— Потому что им девятнадцать и семнадцать. Потому что они будут слушать того, кто ненамного старше. И потому что я хочу, чтобы они поняли важность Пути Дуба. Старых путей. Леса, поля, алтари. При дворе этого слишком мало. Премьер Ардрайна, Валериан Фокс, не жалуется Хранителей. Он хочет заменить алтари городскими проповедниками и их ритуалами.

— Вы хотите, чтобы я стал противовесом Премьеру?

Он не верил своим ушам. Премьер — второе лицо после короля в вопросах веры. Его назначает монарх, а не Верховная.

— Ты хочешь спросить: почему я верю в тебя? — она улыбнулась.

Зараза.

— Молодых служителей здесь как одуванчиков. Почему

я?

— Я знала твою мать.

Он замер.

Что?

— Ты жил в доме, где отец тебя не замечал, а мачеха хотела сплавить подальше, потому что ты угрожал наследству её сыновей. И всё равно ты держал спину прямо.

— Я просто чувствовал себя червём. Меня не любили, и я не понимал почему.

— Я решила найти тебя, когда была в том округе. Ты впечатлил меня. Я увидела: ты не с той фермы. Я договорилась с твоим отцом. Он позволил отправить тебя в университет, а я поклялась не говорить о твоей матери. И пока он жив — я сдержу слово.

Он отодвинул ярость — на отца, на эту клятву — в сторону. В памяти осталось лишь одно: темноволосая женщина на коленях рядом с ним. Она плакала. Ему было два или три.

— Я отправила тебя учиться не из сантиментов, — про-

должала Верховная. — Я ищу тех, кто любит природу. Кому алтарь у дуба роднее каменных стен. Слишком многие умники предпочитают догмы и ритуалы. Ты — сенатец. Как и я.

— Но двор...

— Двор — нет. Принц и принцесса — возможно. Грядут плохие времена. И когда они настанут, спасут нас старые пути и колдовство.

Плохие времена?

— Могу я спросить, какое у вас колдовство?

— А ты как думаешь?

— Читаете мысли?

— Нет, слава Создателю. Просто знаю суть того, о чём человек думает, если это важно для меня. Без этого я бы не стала Верховной.

Она заглядывает мне в голову.

— Удобный дар.

— Проклятие, — тихо сказала она. — Любое колдовство — это бремя.

Он увидел в её глазах тень. Но она тут же сменила тему.

— Твоя настоящая миссия в Ардрайне — не духовные советы. Ты будешь подталкивать принца в нужную сторону. Так, чтобы он слушал.

— Притворяясь, что советы бескорыстны?

— Если Ловир захватит торговлю пряностями, равновесие рухнет. Во время чумы цены взлетят до небес. Люди верят, что специи защищают от заразы. Это бред, но он сделает ловирских купцов неприлично богатыми. А богатые горожане — именно те, кто забывает Хранителей.

Вот оно. Равновесие Путей. Равновесие сил.

— Принцу не вечно быть девятнадцатилетним. Король уже поручил ему надзор за торговыми путями и флотом.

Ардан чуть не присвистнул. Юный принц, любитель охоты на вепря, — и торговля?

— Вы правда думаете, что я справлюсь? Я не знаю при-

дворных манер. И духовных советов тоже.

— Научишься. Торговый флот Ардрайна должен сравняться с ловирским. Вот куда поворачивай мысли принца.

Следующий час она вводила его в курс: двор, королевская семья, финансы, политика, торговля.

Напоследок сказала:

— Будь осторожен с Премьером Фоксом. Я не выбирала его на этот пост. И никогда не могла почувствовать его мыслей.

Она не может его прочесть?

— Донесения шли мне в обход его канцелярии. Шифром. Есть доверенный курьер. Его жена держит таверну «Трёхрогий Бык». Отдашь письмо ей — она сидит у дверей, за кассой.

Он кивнул. Дела хуже, чем он думал, если Верховная не доверяет собственному Премьеру.

— Я никому не доверяю, — сказала она, будто услышав его мысли. — Даже тебе. Меня тревожит твоя самоуверен-

ность, Ардан. Слишком гордый всадник падает чаще. Веди себя при дворе как подобает. Никаких драк. Никаких попок. И... ухаживаний за служанками.

— Я не...

— Тихо и незаметно. Или лучше — никак. Понял?

— Как прикажете.

— Хотела бы я верить. Иди. Возьмёшь письма у секретаря Бардена. И зайди в казначейство — получишь деньги на расходы. Тебе нужна новая одежда. Облечение служителя, хорошего качества. Не для драк и кабаков. Понял?

Он постарался ни о чём не думать.

Купец в Горте взвесил специи на ладони. Двадцать гвоздик. Пять анисовых звёзд. Шесть свечных орехов.

— Где украл? — спросил он. Взгляд — твёрдый, как мускат и корица, что ещё лежали в заплечном мешке.

— Не украл, — Арди говорил ровно, затапливая раздражение поглубже. — Привёз с острова. С моего острова.

Надо больше практиковаться в этом проклятом языке.

Подозрение в глазах купца не исчезло. Но плечи чуть ослабились.

— Пять гилдинов за всё.

Смехотворно. Арди спрятал улыбку. На его родине дети учатся торговаться, как только подбирают первую ракушку с рифа.

— Пять гилдинов за штуку, — сказал он.

Когда он вышел от купца много позже, монеты звенели в кошельке, а прощальный вздох торговца грел душу.

На улице боль пронзила глаз. Острая, как укол морского ежа.

Он знал эту боль.

Зов криса. Далёкий, слабый, манящий — а потом резкий укол, напоминание об ужасе, что отправил его на другой конец света.

Почему? Почему он бросил меня?

Он не метал его. Крис ушёл сам. Бросился на незнакомца в складе.

Почему?

Арди до сих пор не знал.

И не знал, правильно ли поступил, когда обманул стражу детским фокусом с бамбуком. Выбраться на берег, забрать вещи — это просто. Но пойти по следу криса, вместо того чтобы искать регалии самому? Сомнительно.

До склада крис вёл его, как поросёнка на верёвке. После склада он остался один. Потерянный. С паникой на плече, как дух-проказник гава, что шепчет на ухо гадости.

Горечь поднялась в горле. Он вспомнил свой провал. Бамбук — пустой. Содержимое осталось у купцов. Так близко — и так глупо. Он даже не понял этого, пока не стало поздно.

Я должен найти того человека. И крис.

Имени он не знал. Но в порту Горта выяснил: медальон на шее незнакомца означал, что он ардрайнец.

Если надо — он пойдёт за ним до самого Ардрайна.

Если надо — убьёт, чтобы вернуть клинок.

И начнёт охоту за регалиями заново.

Выбора не было. Провал означал не только вечное изгнание.

Он означал конец Островов.

Глава 5

— Эта погода невыносима! Надо было остаться в Твайте.

Принцесса Ардрайна, леди Матильда, испеклила старшего брата взглядом. Он сидел напротив в карете, и сам факт его присутствия бесил её. Как только начался дождь, он бросил лошадь и перебрался внутрь. Разумно — карета хоть и тряслась, но была сухой. Но её это всё равно раздражало.

— Эта поездка, — продолжила она, понимая, что ноет, и не в силах остановиться, — была катастрофой с самого начала. Терпеть не могу, когда отец решает, что мы должны исполнять королевский долг и демонстрировать себя подданным.

— Как пара породистых щенков, которых показывают псарю? — принц Рис, наследник трона, ухмыльнулся. — А мне нравится.

— Ещё бы. Так удобно, когда каждую смазливую — и не очень — девицу на выданье выставляют перед тобой. Уверена, половина из них готова согреть твою постель, лишь бы получить твоё внимание.

— А тебе не нравится, что столько молодых людей хотят твоего внимания?

— Не будь таким самодовольным. Среди тех, кого мы встретили, нет ни одного, кого отец счёл бы достойным. Какой смысл вообще в их сторону смотреть? И ты заметил, что

у меня уже несколько дней нет ни фрейлины, ни горничной? Получать помощь от чужих служанок — это ужасно.

— Прости, Матильда. Это дурацкое невезение.

Она зыркнула на него. Он не понимал. Её дамы слегли с лихорадкой, и ей пришлось оставить их в Оквуде.

— Если повезёт, завтра мы сядем на корабль и поплывём домой. А сегодня в Редполле леди Фрайта даст тебе всё, что нужно.

Матильда выдохнула, сгорбилась. И сменила тему — на то, что грызло её на самом деле.

— Вчера Кенда Россе намекнула, что слышала слухи. Будто отец отправил мой портрет в Ловир. По просьбе Регала. Ты что-нибудь знаешь?

Рис уставился на неё. Потрясён.

— Регал Вильмар просил твой портрет? Для себя? — его голос упал почти до шёпота.

Она кивнула.

— Рис, он старый. И похоронил трёх жён.

— Зараза. Тильда, прости. Но, может, это просто слухи. Вильмар овдовел всего несколько месяцев назад. Траур ещё не кончился. И тебе только семнадцать, а ему пятьдесят, не меньше! Кенда Россе — дура. Повторяет сплетни как истину.

— Она сказала, что леди Россе говорила...

Договорить она не успела. Карета дёрнулась, лошади встали как вкопанные. Матильду швырнуло вперёд, прямо в объ-

ятия брата.

— Проклятье! — она отпихнулась, выпрямилась. — Что теперь?

Рис отодвинул кожаную шторку, высунул голову под дождь.

— Ничего не вижу. Пойду узнаю.

— Только попробуй — вернёшься мокрый и в грязи. Будешь вонять псиной. Это неприлично. Сиди и жди, пока слуги доложат. Ты принц, в конце концов.

— Тебе говорили, что ты невыносима?

Она построила рожицу. Он сдался.

Девятнадцать лет — и не умеет настоять на своём дольше пяти минут. Ох, Рис. На твоём месте я бы не слушала младшую сестру. Я бы делала что хочу.

Но Рис был Рисом. Качался на ветру, как тростник.

Сержант Хорнтейл подъехал через минуту.

— Ничего страшного, ваше высочество. Какая-то девка бросилась под копыта, словно за ней волки гнались. Сбили, но она вскочила и скрылась через изгородь. Только вот беда: когда встали так резко, оглобля треснула. Ребята перевязали, но чинить надо в Мельфорне.

Рис поморщился.

— Точно не доедем до Редполла?

— Никак нет, ваше высочество. По эту сторону города есть постоянный двор. А рядом — трактир и дубовый храм напротив. Возможно, леди Матильда могла бы отдохнуть там,

пока ось чинят.

Как я ненавижу, когда обо мне говорят так, будто меня здесь нет. Будто у меня нет права голоса. Спровадить в холодный храм, пока мужчины греются у камина с элем. Как это типично.

Тут конь сержанта шарахнулся. Свора псов вынырнула из ниоткуда, обтекла карету, лошадей — тьякали, нюхали, крутились. Хорнтейл выругался.

— А ну пошли прочь, шелудивые!

— Охотничьи псы, — удивлённо сказал Рис. — Раз скулят — значит, потеряли след. — Он высунулся наружу и тут же спрятался от порыва дождя. — В такой ливень запах не удержишь. Где-то должны быть охотники.

— Там, за перелазом, — сказала Матильда.

По ту сторону кареты, на склоне холма, растянулись всадники. Все они целили туда, где через изгородь был перелаз.

— На лису, наверное, — сказал Рис.

Матильда моргнула. Неужели он такой недогадливый?

— Нет, Рис. На женщину.

Она крикнула сержанту:

— Ваши люди ничего не видели. Никакой женщины. Поняли?

Хорнтейл перевёл взгляд на Риса — вопросительно. Матильда стиснула зубы и уставилась на брата. Миг — и он коротко кивнул. Сержант уехал раздавать приказы.

— Это не наше дело, Тильда, — проворчал Рис.

— Травить женщину собаками — не наше дело?

— Мы не знаем, что она сделала.

— Плевать, что она сделала. Нельзя травить людей как дичь.

— Пожалуй, я скажу Хорнтейлу, что мы передумали.

— Только попробуй.

Передовой всадник достиг перелаза. Лошадь упёрлась — слишком близко карета с той стороны, не прыгнуть. Охотник закружил, крича кучеру, чтобы убрал экипаж. Подоспели остальные. Один что-то быстро сказал первому, указывая на карету. Злое лицо сменилось угодливой улыбкой.

Сержант переговорил с ним и вернулся к Рису.

— Они охотятся на женщину. Жена местного землевладельца. Говорят, прошлой ночью убила мужа. Ведёт их брат мужа, Хильмард Эрмайн. Видели, как она перебралась через перелаз. Я сказал, мы не заметили, куда она делась.

Лицо сержанта оставалось бесстрастным. Но плечи выдали неодобрение.

Матильда глянула на всадников, всё ещё круживших в поле. Мокрые, злые, но герб на дверце кареты не давал им рта открыть.

Кажется, я только что спасла жизнь. Женщина, убившая мужа, на свободе. Потому что я вмешалась.

Она улыбнулась про себя.

Я не беспомощна. Что бы там ни думали.

Однажды она покажет миру, на что способна. Она дочь

короля. И знает, как управлять людьми. Даже если Рис не знает.

Храм в Мельфорне стоял за городской чертой, но недалеко. Ветви дуба раскинулись над двором размером с добрую ферму. Листья, уже жёлтые и оранжевые, влажно блестели под робким солнцем, пробившимся сквозь тучи. Крона шатром укрывала святилище — круглую каменную постройку вокруг ствола, крытую соломой. В щелях окон без стёкол гулял ветер. Ствол был так широк, что его не обхватили бы и шестеро мужчин.

Матильда мрачно уставилась на арочный вход без двери. Поежилась.

Рис и охрана жизнерадостно сбыли её с рук на попечение хранительницы и скрылись в трактире напротив. Возницы ушли чинить экипаж. В трактире уже гудели охотники с собаками. Матильда задумалась: поймали они добычу или нет? И пожалела, что нельзя пойти спросить самой.

Почему женщины должны сидеть и молчать, пока мужчинам можно всё?

Она вздохнула и повернулась к хранительнице. Та назвалась Марш Бедстроу. Высокая, худая, узкобёдрая, широкоплечая, в простом шерстяном платье. Сколько ей лет — не угадать. Сорок? Пятьдесят? Говорили, хранители дубов старели медленно. В Ардрайне все они были из народа Шенат, без исключения. Невидимые Хранители не принимали чужаков.

Матильда поёжилась опять. Слуг не было. Только она и Марш.

К счастью, этого хватило. Вскоре принцесса сидела на подушках перед жаровней с горячими углями, на коленях — пуховое одеяло, в руках — кружка горячего пунша.

Рис обещал прислать горячую еду из трактира, но Марш фыркнула: трактирнаястряпня ещё хуже их пошла.

— Я принесу хлеба и сыра, — сказала она и скрылась за перегородкой — в своём крохотном жилище.

Матильда огляделась. Храм был круглым, но ствол стоял свободно — ни одна балка его не касалась. Каменные столбы держали крышу. Где бы ты ни стоял — ствол был виден.

Раньше храмы её не впечатляли: холодные, ветреные, земляной пол, каменные скамьи. Но этот дуб, надо признать, был великолепен.

Тут снова залились псы.

Матильда обернулась. Дождь стих. Собаки вылетели из двора трактира. По полю, что примыкало к храму, через каменную стену перебиралась женщина. Грязная, мокрая, простоволосая, без плаща. Как деревенская дурочка.

Увидев псов, она бросилась к храму, подхватив юбки.

Убийца. Это она.

Надо бы испугаться. Позвать Марш. Беглянка в отчаянии — опасна. Но Матильда сидела и смотрела с восторгом: наконец-то. Настоящее приключение.

Женщина бежала, задыхаясь от страха. Она была ближе

к храму, чем псы, но собаки — быстрее. Первая цапнула за подол. Женщина закричала. Ткань треснула. Она рванулась из последних сил — и влетела под сень дуба.

Лапы пса коснулись жёлтого ковра из листьев.

Пёс взвыл от боли.

Он затормозил, взрывая листву. Заскулил. Остальные попытались обойти его — и тоже замерли, едва ступив на листья. Запрыгали, закрутились, завывли. И все разом, поджав хвосты, бросились прочь.

Женщина застыла у входа. Оглянулась. На лице — изумление.

Это лучше любого театра, — подумала Матильда. Она вскочила и захлопала в ладоши.

На лай из трактира высыпали мужчины. Не только охотники — Рис, гвардейцы, все. Женщина нырнула в храм. Пробежала мимо Матильды, едва не сбила Марш, выскочившую из своего закутка, и бросилась к стволу.

Прижала ладони к коре.

— Я, Соррель Редвинг, прошу убежища у Хранителей дуба и поля. У Создателя. Если мольба услышана — клянусь в служении отныне и навсегда.

Она прижалась спиной к стволу, вцепилась пальцами в кору. В глазах — ужас. Грудь вздымалась. Пальцы побелели.

— Создатель, во имя дуба и поля, спаси меня. Спаси — и я твоя.

Марш тронула Матильду за локоть.

— Молчите. Это в руках Пути Дуба.

В дверях показались мужчины. Двое вошли — и Матильда узнала главу охотников. Хильмард Эрмайн. За ним — Рис и Хорнтейл.

— Тильда, ты в порядке? — Рис выглядел испуганным и виноватым одновременно.

— Разумеется.

Хильмард обратился к хранительнице. Казалось, он не замечает свою добычу у ствола.

— Мы ищем беглянку. Убила мужа, моего брата, и сбежала. Гончие вели её полночи, несколько раз почти настигали. Мы знаем, она вошла сюда.

Марш склонила голову — вежливо, спокойно.

— Будьте покойны. Человек с чёрным сердцем не найдёт приюта в храме и под сенью Создателя. Ищите, если угодно. И если найдёте ту, кого ищете, — здесь ей не место.

Матильда повернулась к женщине.

Её не было.

Ствол был пуст.

Матильда открыла рот. Соррель Редвинг не могла уйти незаметно. Никто не отводил глаз. Марш сжала её локоть. Матильда вырвала руку — хотела прикрикнуть на хранительницу, посмевавшую трогать принцессу, и спросить, что происходит. Не успела.

Хильмард сдёрнул шапку, поклонился.

— Простите, миледи. Я бы не тревожил вас без крайней

нужды. Преступница опасна.

Матильда кивнула. Во рту пересохло.

— С вашего позволения, миледи, я бы послал людей осмотреть здание.

— Теперь, когда я здесь, чтобы защитить принцессу, — вмешался Рис, — общитесь и оставьте нас в покое.

Впервые Матильда была рада его вмешательству. Она покосилась на дерево. Краем глаза — какое-то смазанное движение коры. Но если смотреть прямо — ничего.

Охотники вошли. Марш наклонилась и шепнула ей на ухо: — Теперь это в руках Хранителя. Если сердце леди чисто, они её не увидят. Их слепота — воля Создателя.

Матильду пробрала дрожь. Не от страха — от восторга. Она видела чудо. Настоящее.

Люди Эрмайна рассыпались по храму. Снаружи были псы. Хильмард обошёл ствол, вглядываясь. Пьяный, злой. Остановился. Принюхался.

— Она близко. Я чую её. Её страх. — Он поднял голову, уставился в крону. — Комфри, залезь. Она там.

— Дерево священо, — спокойно, но непреклонно сказала Марш. — Это мир птиц и летучих мышей, белок и бабочек. И Хранителя. Никто не взбирается на него. Никогда. Включая женщину, которую вы ищете.

— Как ты смеешь! — взорвался Хильмард. — Этот храм — мой не меньше, чем твой, женщина. Я буду искать, пока не найду убийцу. Кто-то из моих видел, как она вошла. И

ты должна была её видеть. Если не скажешь, где она — я обвиню тебя в укрывательстве.

Матильда поднялась. Выпрямилась — так, как репетировала перед зеркалом. И ударила голосом.

— А меня вы тоже обвините? Принцессу Ардрайна — в укрывательстве? Я не могла не заметить, если бы кто-то вошёл. В чём вы обвиняете меня, Хильмард Эрмайн? Уверена, мой брат будет счастлив передать ваши слова нашему отцу-королю.

Тишина. Всё замерло. Лицо Эрмайна стало серым. Рис онемел. Но первым шагнул к ней — заслонил плечом.

Голос Хильмарда дрогнул, как у старика.

— Миледи, смиренно прошу простить. Вы, конечно, увидели бы. Горе помутило мой рассудок. Простите глупость.

— Он склонил голову.

— Идите прочь, — холодно сказала Матильда. — Здесь все под защитой Создателя.

Мужчины вышли. Матильда осталась с Рисом и Марш.

— Всё в порядке, Рис. Можешь возвращаться в трактир.

— Нет, я останусь. Кто знает, где эта сумасшедшая.

— Создатель защитит меня. Здесь храм! Ты видел, даже псы не вошли. Изумительно. Мне нужно помолиться. В тишине. Марш позаботится обо мне.

Он глянул в сторону трактира.

— Ну, если ты уверена...

— Уверена.

Он поцеловал её в щёку — неожиданно нежно — и ушёл.
Марш заговорила, глядя на пустой ствол:

— Эти молодцы ещё покрутятся снаружи. Пойдём-ка в мой закуток, девочка. От греха. И умыться надо.

— Что с ней случилось? — прошептала Матильда. — Она исчезла!

— Дубовое колдовство. Дар морока.

Матильда шагнула к стволу. Протянула руку. Палец коснулся плеча — невидимого.

— Ты здесь! — она засмеялась. — Всё это время. Невидимая. Как?!

Соррель проявилась. Спина — к коре. Глаза закрыты. Лицо бледное. На лбу — испарина. Открыла глаза, вдохнула. В глубине зрачков — ужас. Словно она заглянула в собственную могилу.

— Ты в безопасности, — сказала Марш. — Они ушли.

Соррель отступила от дерева. Глянула на Марш, на Матильду. И опустилась в глубокий реверанс.

— Благодарю, миледи, за защиту. И вас, госпожа.

Голос — тихий, с мягким сельским выговором. Движения — плавные. Платье без кружев, но бархат добрый, корсаж расшит. Чулки порваны, туфель нет, чепчик потерян. Но держится благородно.

— Ты правда убила мужа? — спросила Матильда.

— Прошрое в прошлом, — одёрнула Марш. — Эта леди под защитой Создателя. Что было — не ваше дело.

Матильда хотела возразить. Но что-то в лице хранительницы остановило её.

— Дело Создателя. Путь Дуба. Не вам вопрошать.

Матильда кивнула. После увиденного спорить не хотелось.

Марш увела женщину в свой закуток, вынесла хлеб и сыр для принцессы и снова исчезла.

Матильда сидела и думала.

Эта поездка доказала одно: она бессильна. Королевская кровь — и ни слова в своей судьбе.

Надо это изменить. Или я сойду с ума. Использовать любые средства. И, кажется, у меня только что появилось одно из них.

Через полчаса она снова изумилась.

Из закутка вышла женщина — серая, блёклая, невзрачная. Бесцветные волосы. Мышиные глаза. Простое платье. Ни следа той яркой, тёмноволосой, голубоглазой Соррель.

— Как?.. — выдохнула Матильда. — Это вы?

— Это морок, — сказала Марш. — Она может выглядеть так, как пожелает.

— Она выглядит как серая мышь!

— Верно. И теперь может выйти из храма, и никто её не узнает.

— Она должна уйти под моей защитой, — заявила Матильда. — Ясно как день: мы встретились не случайно. Мне нужна спутница, а вам, госпожа Соррель, нужно убраться от-

сюда. Вы поедете со мной в Троссель.

— Миледи, это очень щедро, но...

— Вздор! Создатель защитил вас. Могу ли я иначе? Я скажу брату, что вы племянница хранительницы. Придумаем имя.

— Это опасно, — тихо сказала Соррель. — Меня ищут за убийство.

— Куда вам идти? Кому вы нужны?

Соррель молчала.

— Создатель устроил так, чтобы я была здесь в час вашей нужды. Хранитель не помог бы вам, будь вы злодейкой. Разве нет?

Марш кивнула.

— Решено! — Матильда задумалась. — Фрейлиной вас не назвать — слишком много вопросов о родословной. Служанкой — вы слишком благородны. Значит — нечто среднее. Вы будете моей камеристкой. А имя... Вы из Шенат. Цветок и зверь. Чистотел — красиво. Вы будете Чистотела Мартен.